

Ирина
Красногорская

СЕРЕБРЯНЫЕ КОЛТЫ

исторические рассказы

Рязань
Издатель Ситников
2008

ББК 84
К 78

Красногорская, И.К.

К 78 Серебряные колты / ред. В. Новиков; худож. И. Ситников. — Рязань: Издатель Ситников, 2008. — 48 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-23-1

В книге повествуется о событиях давнего прошлого, связанных с Рязанским краем и отразившихся в летописях, легендах и преданиях.

ББК 84

Текст печатается по изданию: Красногорская И.К. Серебряные колты. Исторические рассказы. — Рязань: Узорожье, 1993. — 44 с.

ISBN 978-5-902420-23-1

© Издатель Ситников, 2008
© Красногорская И.К., текст, 2008
© Ситников И.Н., иллюстрации,
оформление обложки, 2008

ПЕСНЯ РАКИТОВОГО КУСТА

Р краю том стволы сосен киноварью крашены. Гривы их сивые облаков касаются, В краю том из лощин, чуть солнце сядет, старик туман поднимается. Борода его седая подлеском тянется, за кусты, за поросль берёз и осин цепляется, а цветы да травы с головою укрывает.

Там зелёные огни по ночам меж стволов разбегаются — что за огни, не знает никто: то ли папоротник цветёт, то ли глаза лесного зверья вспыхивают, то ли леший на игрище кикимор сзывает.

Не живут в стороне той зори утренние: долго солнце в космах еловых плутает, только в полдень в небеса выбирается. А уж выбравшись, так начнёт припекать, что испариной на сосновых стволах смола выступит, будто в русской печи, истомится земляника душистая, полыхнёт сухим жаром хвоя на земле.

Хорошо лето мещерское! Хорошо лето в деревушке Ласково!

Деревушка махонькая, два десятка домов крохотных, за околицей всё лес да лес.

Жили в той деревушке крохотной испокон веков древолазцы-бортники, ловцы певчих птиц, их жены, дети и матери. И была среди них, лет семьсот назад, сиротинушка...

Ну какое житье сиротское? И не то беда, что жилось ей впроголодь,— ласки девонька не видела. И не то чтобы не было вовсе ласки в деревне Ласково — на сирот её не хватало (ох, нередко сироты у древолазцев).

Куском хлеба сироту одаривали, кружку молока или кваса, случалось, наеживали, ну а словом добрым не баловали. К чему слова эти — сыт ими не будешь.

Да и немногословны люди лесные — слов зря на ветер не бросают. Лес не любит говорливых. Не до людских голосов ему, когда листья свой день и ночь шелестят, птицы-неугомонны им всю весну да лето вторят. А по зиме да осени стволы скрипят старые, ветки стучат иззябшие, раздетые, ветры да волки воют.

Нет, не любит голосов людских лес. Заслышав речь человечью, велит зверью затаиться, леших да кикимор да говорунов напускает.

Молчаливы люди лесные и песни поют лишь по праздникам. Не говорили они сироте слов ласковых, детей не учили жалеть её. И дети корили её без устали:

— Ступай, сирота, из хоровода нашего — руки у тебя леденющие!

— Будто лягушки, противные!

— И рубаха твоя до дыр изношена.

— А в косицу, глянь, Аксютушка, нитка портяная вплетена — из онучи, чай, выдернула. И косица, ха-ха, и косица, ха-ха — хвостик крысиный!

— Как у нашей у Аксютушки коса, как у нашей у голушки длинна, жемчугом оплетена, маслицем намазана.

— Как у нашей у Маланьюшки коса, как у нашей у красавицы пышна, гребнями расчесана, гривнами увешана.

Стояла сиротинушка одна под кустом ракиотовым, что рос у села за околицей, и без слёз про себя плакала: «Хоть бы раз кто из подружек, хоть бы раз кто из соседушек, из людей посторонних пришлых назвал меня по имени, уж сама забывать его начала».

— Не печалься, Февроньюшка, не кручинься, касатушка, имя твое не забудется. Добрых слов ещё много наслышишься.

Вздрыгнула, огляделась Февроньюшка, кто слова прошептал эти странные. Никого! Только ветер тревожит листы ракиотовые.

— За добро платят любовью. На любовь добром откликаются. Дана слову сила могучая. Слово лечит, кровь останавливает.

Испугалась сиротинушка, не дослушала, бросилась от куста прочь. Прибежала в избушку свою сиротскую, забралась на печь, с утра протопленную, да ещё шалаболами прикрылась. Пробрала дрожь Февроньюшку, хоть стояла в ту пору теплынь июньская светлая.

Согрелась на печи, задремала девонька, и привиделся ей сон удивительный. Будто едет по дороге Муромской к деревеньке Ласково разудалый добрый молодец. Конь серый в яблоках, грива косичками заплетена, цветными шнурами украшена, дуга расписная яркая с колокольцами золочёными, саночки лёгонькие, праздничные. А навстречу молодцу целиною снежною идёт-спешит девица, спешит, в сугробы проваливается. И жарко ей, томно ей в тулупчике овчинном, в сапожках валеных. И снять их некогда — упустить боится дружка милого. Плачет в зимнем лесу птица летняя — иволга, кукует в безлистом вещунья кукушечка.

Не видит девицы добрый молодец, гонит коня во всю мочь. Проезжает, проезжает, ах, мимо проезжает девицы! Но нет, резвый конь останавливается, молодец возвращается, берёт за руки девицу, говорит ей слова ласковые. И мнится Февроньюшке — это её слова ласковые, это она едет в саночках лёгоньких, это её народ встречает, её поет величальную.

Шла-плыла лебедь белая,
Шла-плыла да по озеру,
Шла-плыла и Февроньюшка
Да к застолью веселому...

Все сильнее и сильнее греет солнышко, а небо и совсем летнее — далёкое, белёсое, словно молоком разбелённое, — и ракитовый куст молодой листвою обрядиться успел. Под кустом дед Игнат блажит в шубе вывороченной:

— В месяце июне выпала пороша, с тем дед бабу полюбил, что баба хороша!

«Что за праздник такой в селе Ласково, что за гость со мной в лёгких саночках?» — удивилась Февроньюшка и тотчас же проснулась.

Темно в горенке, душно в горенке, мышшь скребётся в углу, скучно, буднично.

— А, знать, вещей сон мне пригрезился, жаль — конца не увидела, лица молодца не запомнила и слова позабыла его добрые. А вот руки его помню тёплые, пальцы тонкие, как были у моей маменьки, — говорила сама себе Февроньюшка, только с собой она и разговаривала да ещё с гусятками, когда пасла их у озера. Чужих гусей пасла сиротинушка, своих давно у неё не было.

— Повернусь на правый бочок, как учила маменька, глаза зажмурю крепко-накрепко, быть может, хоть лицо увижу того молодца.

Нет, ничего ей больше не привиделось — до утренних петухов без сна на печи промаялась, поднялась и побежала гусей пасти: гуси серые, гуси белые — сотня матёрых с гусятками. Погнала их за околицу, поравнялась с кустом ракитовым, поклонилась ему поясно:

— Благодарствую тебе за слова добрые, за вещей сон!

И услышала в ответ уже безбоязненно:

— Утро доброе, Февроньюшка!

И не стало с той поры дня, чтобы не подошла к кусту сирота поздороваться, о судьбе сиротской поплакаться, не было дня, чтобы не напоила его водой мягкой озёрною. Озеро, будто око, круглое, в ресницах рогоза стрельчатых, верстах в двух от деревни раскинулось и звалось по имени её Ласковским. И зимою по снегу глубокому, рыхлому торила Февроньюшка к кусту тропку узкую и, хотя с ним всё так же здоровалась, не ждала от него слов приветливых — спал куст.

За любовь к растению дикому, почитай, совсем бесполезному стали звать сироту в селе дурочкой. А богобоязненный староста, заподозрив в нём силу нечистую, решил куст напроць выкорчевать.

